

Протоиерей
Анатолий Гармаев

**ЭТАПЫ
НРАВСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ**

Анатолий Гармаев

Этапы нравственного развития

«Издательские решения»

Гармаев А.

Этапы нравственного развития / А. Гармаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965171-6

Сегодня почти нет семьи, которая не нуждалась бы в добром наставнике, мудром руководителе. Но проблемы семейные так сложны, что не всякому человеку удастся помочь супругам. Возможно, эта книга будет ко времени. Если возникает чувство: «Еще немного и мы разведемся», — может не надо опираться на него. А попробовать разобраться в причинах, разрушающих мир и лад в семье. В книге читатель найдет много упражнений по преодолению неправильных настроений и расположений сердца в помощь своей семье.

ISBN 978-5-44-965171-6

© Гармаев А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	15
ОТ ЗАЧАТИЯ ДО РОЖДЕНИЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Этапы нравственного развития

Анатолий Гармаев

© Анатолий Гармаев, 2019

ISBN 978-5-4496-5171-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭТАПЫ
НРАВСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ РАЗВИТИЯ

ПРЕДМЕТ НРАВСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Приступая к изложению материала, необходимо определить сам предмет нравственной психологии, его главное содержание.

Нравственная психология – наука, которая раскрывает психологию человека с позиции его нравственного развития. Своим содержанием она открывает путь к формированию нравственных оснований в человеке.

Нередко задают вопрос: «А почему именно нравственная психология, почему не психология нравственности?» Для современной психологии более характерно нравственность сделать именно предметом. Психология как наука имеет областью своего изучения человека, его внутренние душевные движения, способности, возможности. При таком понимании и нравственность должна стать предметом психологического исследования. Так оно, видимо, и происходит в традиционной психологии, и ученый, называющий себя психологом, вполне может заниматься нравственностью как предметом.

Когда нравственность становится понятием, с ней можно делать многое: анализировать, синтезировать, расчленять на составляющие, наблюдать ее эволюцию, движение, структуру.

Однако в самом человеке существует нравственное как его собственная жизнь, как то, что движет его внутренним поступком, определяет его чувства, характер его мыслей.

можно собственное нравственное сделать предметом исследования. И здесь два пути. Один из них – умом или рассудком распознать происходящее в собственной душе. Второй путь – из глубины души ее разумной силой охватить взором движения сердца. Здесь душа саму себя познает в живом дыхании нравственного в ней. Из этого же, от души к душе, можно вслушаться в нравственное другого, почувствовать человека внутренним чутьем или с первой встречи иметь впечатление о нем. Такая психология исходит из нравственного, а не из рассудка, и психологией нравственности никак не может быть, хотя предметом ее будет нравственное другого.

Такое нравственное не может быть только предметом интеллектуального изучения, ибо полностью описать его невозможно. Полностью его может исследовать только сам человек, ибо

только он может знать в себе то нравственное и то сокровенное, что происходит в глубине души как истинный поступок, как красота его внутреннего переживания, как опыт обретения в себе нравственного.

Только встретившись с собственным сокровенным, с возможностью внутренней, нравственной красоты, которая потенциально или реально, но непременно существует в каждом, человек может преобразоваться в нравственного. В этом – принципиальная разница между психологией нравственности и нравственной психологией.

В психологии нравственности возможен исследователь, который напишет диссертацию о нравственных качествах и свойствах, возможен докладчик, который будет говорить о высотах нравственного поведения и действия. При этом и исследователь, и докладчик могут быть людьми глубоко безнравственными.

Если такая ситуация возможна в области изучаемой нравственности, то в нравственной психологии это немыслимо изначально. Ибо человек, возрастающий в нравственной психологии, непременно встречающийся с собственным нравственным, не может попирать это нравственное в себе. Непременно соглашаясь с нравственным в себе, в своих действиях, поступках и сердечных расположениях, он будет исходить из нравственного. Отсюда в нравственной психологии происходит постоянное изменение самого человека для обретения нравственной красоты.

В психологии нравственности такое изменение вовсе не обязательно. Там достаточно знания о нравственности, умножения этого знания и возможности передачи, пересказывания этого своего знания другим людям. При этом становиться самому нравственным не требуется. Неудивительно, что в психологии нравственности возможно бесчисленное множество преподавателей этики и нравственности, которые в своей реальной жизни вовсе не исполняют того, о чем они говорят.

В области же нравственной психологии обретение нравственной красоты начинается с самого исследователя, с самого говорящего. И если педагог или воспитатель сам не обретает в себе источников нравственной красоты, не реализует в своих силах души и в сокровенных движениях их, то подлинно нравственное воспитание подопечных для него невозможно.

Однако для многих подобное лицемерное состояние души обычно воспринимается как нормальное. И поэтому у такого преподавателя ученик будет схватывать прежде всего его душевную неправду. Но рано или поздно он поймет, что все это – одни лишь красивые, но пустые слова. К сожалению, именно поэтому сегодня для многих школьников лицемерие становится нормой поведения. На словах – одно, а на деле – совершенно другое.

В нравственной психологии и педагогике такое рассогласование слова и дела невозможно. Цели и задачи нравственной психологии и педагогики в том, чтобы соединить внутреннюю жизнь человека со словом, которое он произносит. И если он словесно учит детей каким-то нравственным поступкам, соответственно, он должен учить этому и своей реальной жизнью.

Опыт работы с учителями и вообще с человеком обнаруживает, как далеко не просто реализовать в себе этот образ нравственной красоты. Оказывается, требуется специальная внутренняя работа, которую человек должен регулярно исполнять для того, чтобы восстановиться в нравственной красоте, которая когда-то была им потеряна. В этом смысле мы можем ска-

зать, что область нравственной психологии и педагогики является областью инаучной. Что это значит? Значит ли, что это нечто, противоречащее науке? Нет – это нечто иное. В чем же иное? Иное в смысле – иная область, иная сфера действий. При этом все научное принимается в область ино-научного особым образом.

Наука рассматривает предмет самостоятельно от исследователя. Сам ученый не отвечает за изучаемый объект, как бы себя этот объект ни повел. Например, атомные исследования и родившаяся из них бомба. В нравственной психологии ученый (психолог) и предмет изучения составляют неразрывное целое. Нравственное как предмет всегда остается в нравственном исследователя, будь то ученый, педагог, врач, любой человек. Или то же самое можно сказать по-другому.

Нравственное, обращаясь к любому предмету, не оставляет его в произвольном движении. Оно ответственно за развитие предмета, к добру или ко злу пойдет оно, к устройению или хаосу, к тьме или свету. Предмет в поле зрения нравственного не может созерцаться безотносительно от его природы – доброй или злой. Поэтому что-либо в предмете, будучи злым по природе, не может быть едино с нравственным. Оно будет отторгнуто. Только все доброе в предмете будет воспринято нравственным как сродное его природе и составит утешающее или удовлетворяющее одно с ним.

Другое различие научного и инаучного заключается в том, что наука занимается однотипными повторяющимися явлениями.

В инаучной области не одинаковое, а как раз наоборот различное является предметом внимания прежде всего.

Всякий человек является личностью, несет в себе оригинальное, уникальное, непохожее на других людей. И в этом его внутренняя красота – красота человека, изначально сотворенного в любви, человека, который именно в этой своей неповторимости может быть любим.

Мы знаем, что предметы ремесла, которые непосредственно сделаны руками человека, не похожи друг на друга. Казалось бы, внешне вазы, которые сделал мастер, одинаковы, но взглядишь в каждую – и увидишь, что одна отличается от другой. Особенно у выдающихся мастеров, которые с великой любовью делают любую вещь, будь то ваза, меховое или вязаное изделие, – они несут на себе отпечаток особой любви, особое состояние мастера, в котором он выполнял и творил именно данный предмет. И в этом – уникальность вышедшего из-под рук мастера.

Подобным образом руками Творца создается человек, его бессмертная душа. Конечно же, в каждой душе есть все то, что роднит ее со всеми остальными людьми, что свойственно ему как человеку, что вообще свойственно всем людям. Но особо любимым делает его то, что выделяет его среди других. По-этому встреча с уникальностью, неповторимостью другого составляет для любви особую радость. Именно такой характер отношения человека к человеку является ведущим в нравственной психологии и педагогике, именно в этой области нравственной психологии является инаучной – ибо здесь значима встреча с уникальным другим человеком, ученика, воспитанника.

Напротив, все злое в человеке – в родителях, в педагогах, учителях, вообще во взрослых людях – гасит все уникальное, пытается разнообразие превратить в единообразие, свести все

к одинаковости, нивелировать личный облик ребенка. Педагогика, которая идет к такому единообразию, является ложной, не нравственной.

Наконец, третье различие науки и инаучной области заключается в разнице мышления. Научное мышление, обращаясь к бытию мира (миробытию), воспринимает его в виде некой статической картины мира. Таковы классические философские системы (Платона, Гегеля), таков и естественнонаучный подход. Вместе с тем в XX веке начало развиваться новое направление мышления – экзистенциальное, где понятие «бытия» вытеснено понятием «существование – экзистенция». Протоиерей Михаил Дронов в своей работе «Экзистенция и опыт в православном мышлении» («Альфа и Омега». М. 1998. №4) пишет: «Бытие непостижимо и вечно, а опытное переживание собственного существования познается в каждое мгновение, здесь и сейчас... Экзистенциальное мышление представляет реальность в виде потока явлений как непрерывный динамический процесс, внутри которого обнаруживает себя познающий его субъект...". Здесь экзистенция как сумма внутренних и часто очень запутанных ощущений, т.е. субъективная эмпирика – постоянно меняющаяся стихия, – противопоставляется «вечному и непостижимому» бытию. И далее: «Смысл жизни заключается в самой жизни, а не в выводах, соделанных из нее. Он – в переживании самого течения жизни. Поэтому к жизни надо относиться как к непрерывно воспринимаемому опыту, а не как к решению задачи, совпадающему или не совпадающему с ответом в конце учебника». Экзистенциальное сознание, пытаясь преодолеть статичность и материалистическую тяжесть бытия, склоняется в субъективную подвижность и надмирную возвышенность личного внутреннего мира человека. При этом отлагается необходимость канонов, догматов, правил, тех самых выводов, в которых фиксируется и удерживается от воздействий стихий исторического времени личный опыт чистоты, правды и истины. Личный опыт становится самоценным и достаточным. Он не требует ни с чем сверки. Он оправдывается уже тем, что доставляет человеку, его переживающему, чувство полной, счастливой и вполне уверенной жизни. В философии это привело к материализму. В современной западной психологии – к подсознательному и мистическому миру, где добро и зло перемешалось и перепуталось. Один из ведущих философов XX века Ханс-Георг Гадамер, возвышая значение личного опыта, пишет: «Диалектика опыта получает свое подлинное завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для опыта, которая возникает благодаря самому опыту». «Опытен в собственном смысле слова тот, – делает вывод Гадамер, – кто помнит о человеческой конечности, тот, кто знает, что время и будущее ему не подвластны... Познание того, что есть на самом деле, – таков, следовательно, подлинный результат всякого опыта, как и всякого стремления к знанию вообще» (Гадамер Х.-Г. «Истина и метод». Цит. по: «Мир философии. Книга для чтения». М. 1991. С. 579).

Память о конечности земной жизни и в особенности опытное чувство и знание, что время и будущее нам не подвластны, ведет человека либо к отчаянию, либо к упованию. Если в конечность и неподвластность земного бытия не войдет надмирная сила и личной любовью не возьмет в заботу и попечение каждого отдельного человека, тогда ему останется после смерти или какое-то место в памяти потомков, или небытие.

Выход из этого лично неразрешимого тупика начинается с того момента, когда во внутреннем опыте сознания или чувства человек слышит явственную потребность обращения к невидимому Богу, существование Которого с возрастающей ясностью он все более прозревает в своей душе. С этого времени внутренний опыт перестает быть субъективным. Вместо него начинает быть синергия человеческой воли и благодати Бога, где благодать ведет человека так, как ей угодно.

Экзистенция освещается религиозностью. Человеку требуется вырваться из собственного существования в новую жизнь – жизнь в Боге. И уже об этом религиозном опыте протоиерей Михаил Дронов в своей работе пишет так: «Опыт религиозный – не „научный“ факт, воспроизводимый в эксперименте и поддающийся описанию математическим языком: он всегда уникален, неповторим и не фиксируется в качестве объекта „научного“ наблюдения».

В то же время, добавим мы к приведенным словам, религиозный опыт переживаний – это движение, борьба, восстание из человеческого в Божие, от человека с его поврежденною и изуродованною душою навстречу Богу. Тогда религиозное мышление, выходящее из такого опыта, не есть выявление научной истины и не исследование самосуществования (экзистенции). Оно становится обращением к откровению, пережитым святыми отцами Церкви, и одновременно фактом личного участия человека в евхаристическом таинстве церковного богослужения.

В таком случае нравственная психология и педагогика уже опирается на начатки религиозного мышления, которое пробуждается в душе человека, ищущего правды и истины в Боге.

Нравственная психология и педагогика выделяет в человеке три начала: телесное, душевное и духовное. Каждое из этих начал может совершенствоваться, человек может стремиться к идеалу, восстанавливая в себе образ Божий, а может падать, деградировать, низвергаться в пучину зла. Известно также, что воспитанный ребенок или воспитанный человек – это человек, в котором реализуется некоторая красота как в душевном, так и духовном.

Сегодняшний мир почти не знает области духовного, так как эта область непосредственно связана с религией. Ничего не подозревая об этом, большинство людей духовное отождествили с искусством, хотя известно, что искусство, культура есть всего лишь проявление вовне того, что является подлинно духовным.

Известно, что культура, особенно сфера искусства, получила свое интенсивное развитие в те исторические моменты, когда духовное в человеке начинало интенсивно падать. Упадок духовного в народе привел к тому, что лучшие из представителей сферы искусств стали пытаться доносить смыслы духовного, а значит, религиозного, до конкретного человека языком душевным. Душевым языком изложено классическое искусство: литература, живопись, музыка. Именно оно доносит до современного человека смыслы религиозной истины, смыслы духовного, сокровенного, проникновенного, того, что духовный человек узнает через религиозный опыт. И если поначалу человек слышал и внимал призывам художников, писателей, музыкантов по восстановлению внимания к духовному, то затем он сделал для себя их произведения единственным началом духовного и поставил их на место первоисточника. В дальнейшем, по мере оскудения духовного общества, он стал отвергать и произведения самих классиков по причине непосильности и ненадобности для себя раскрываемого ими «слишком глубокого» смысла.

Сегодня это оскудение настолько велико, что современная молодежь просто отвергла все классическое. Оно ей скучно. Современному человеку нечем оживить то, о чем повествует Достоевский, о чем говорит Гоголь, что открывает в своих картинах Левитан, в музыке – Чайковский, о чем пишет в своей поэзии Пушкин. Восстановление внимания к духовному в сегодняшнем человеке – одна из самых трудных областей нравственной психологии и педагогики.

Известны три закона, о которых мы будем упоминать в наших книгах: закон оскудения, закон опережения и закон хранения душевных сил или образа истины. Без знания этих трех законов настоящая педагогика невозможна, потому как невозможно объяснить причины происходящего сегодня с подростками, особенно с юношеством. Без этого невозможно понять, что происходит в развитии современного человека, почему сегодняшняя культура находится в таком упадке, в чем причины неспособности людей потерпеть друг друга, почему в современной школе делается такой акцент исключительно на знаниях.

Современному психологу и педагогу трудно до конца понять действие глубинных механизмов, определяющих отношения между взрослыми и детьми, между детьми-сверстниками, между старшими и младшими. Ибо за той внешней суетой, которую мы пытаемся оправдать «объективной необходимостью» и «здоровым смыслом», почти невозможно уловить и понять глубинные течения и движения, происходящие в человеке. В этом причина тех промахов, которые мы совершаем в межличностных отношениях, и тех тяжелых результатов, которые являются итогом многих лет безнравственного воспитания.

Как же вернуть сегодняшнего молодого человека к культуре, к классическому искусству, к мыслям о духовном, к стремлению обретения в себе духовное? Это, наверное, те проблемы, которые сегодня встают перед каждым вглядывающимся в будущее педагогом, воспитателем, родителем... кто душой и сердцем болеет за происходящее в нашем мире. И такая внутренняя позиция педагога и воспитателя является началом и основанием его нравственного самоопределения. Без нее обретение основ нравственной психологии и педагогики невозможно.

Познание этих основ возможно только там, где человек ищет нравственное. Там, где этого поиска нет, такое познание невозможно, ибо эти предметы – деятельные.

Нравственная психология и педагогика могут стать достоянием педагога или родителя только через опыт собственной нравственной жизни, и поэтому вне такого опыта постижение этих дисциплин фактически невозможно. Нельзя только по содержанию учебника по нравственной психологии и педагогике считать себя знающим предмет. И, услышав несколько лекций по этому предмету, нельзя полагать, что теперь имеешь о нем представление, ибо представлять его нельзя, им нужно жить, его нужно опытно исполнять. И поэтому способ обучения в нравственной психологии и педагогике совершенно иной, нежели тот, который присутствует и доминирует в современной школе.

На пути к формированию нравственного облика мы встречаемся с таким явлением, как эгоистическая натура человека, основание которой лежит в его эгоиде. Каждый ребенок с рождения имеет в себе это ядро эго.

Долгое время существовало представление о том, что ребенок рождается как *tabula rasa*, т.е. чистая доска, а значит, все злое, что в нем проявляется, приходит извне, от окружающих людей. Но любой родитель, имеющий по меньшей мере двоих детей, видит, что злое в ребенке проявляется задолго до того, как последний повстречается с ним в социальных условиях. Дети, еще находясь в колыбели, уже проявляют одни – каприз, другие – упрямство, третьи – злобность, четвертые – мстительность. Эти черты характера, которые более ярко покажут себя во взрослой жизни, свойственны им уже с рождения. Это говорит лишь о том, что эгоистическое ядро в ребенке закладывается еще в утробном возрасте.

Рядом с совестью, формирующей в нем образ нравственного поступка, существует ядро эго, которое в свою очередь формирует в нем безнравственное и ищет в окружающей среде примеры и образцы такого поведения. В первую очередь на формирование личности ребенка влияют родители, потом воспитатели, а затем – окружение, в которое он попадает сначала ребенком, потом подростком, а затем и юношей. В результате эгоистическое становится постепенно доминирующим.

В современной жизни нравственное не хранится в окружающих нас традициях, обычаях, в становлении человека. Оно не хранится в укладе, в образе жизни современных людей, оно в основном расточается, попирается и уничтожается. Ввиду того что эгоистические ценности, материальное благополучие, известность в мире или значимость в социуме стали ведущими, современный человек даже не подозревает о существовании в себе образа внутренней нравственной красоты.

Поэтому неудивительно, что эгоистическое ядро так ярко проявляется у детей современных родителей. Оно прежде всего выражено в их агрессивности, затем в их устремленности к материальным благам, наконец, в их желании соперничать, опережать и становиться над другими.

Внешне такая картина и такая ситуация сегодняшнему педагогу понятна. Но причины, которые лежат во внутреннем, подсознательном механизме отношений между людьми, вряд ли известны большинству. Механизм эгоистических отношений между людьми, который сегодня определяет формирование разных группировок, среди подростков в особенности, для многих – загадка.

Для сегодняшнего педагога являются тайной сложные отношения, которые возникают в коллективе детей, подростков, взрослых людей. Для их разрешения необходимо раскрытие этой тайны.

Не может быть действенной педагогики, если педагог не владеет знанием о механизмах психопатических отношений человека с человеком. Равно как совершенно невозможно консультировать родителей и помогать им налаживать семейные отношения с детьми, не зная этих механизмов.

Одним из самых значимых сегодня действий в школе и в детском саду является обучение. Учебный процесс в школе, казалось бы, достаточно отлажен, методик много и возможности достаточно большие. Однако опыт показывает, что основа нравственного – силы души ребенка – в современной школе практически не используется. Силы души проявляются при высвобождении ребенка навстречу окружающему миру. Если взглянуть на современную педагогику с позиций нравственных сил, то мы обнаружим, что учебный процесс может получить совсем другое основание, другую широту и глубину. В таком случае то, что сегодня ребенок узнает о мире в словесном представлении, может превратиться для него в реальное открытие реального мира. И тогда радость от встречи с жизнью мира становится непередаваемой. Мы знаем это по своему детству. Если вспомнить наши детские переживания встреч с природой, то, безусловно, по чистоте и глубине они несравнимы с тем, что мы чувствуем, повзрослев.

В большинстве своем рассказы, прочитанные человеком в детстве, не остаются в его памяти, а вот впечатления детства вспоминаются спустя и десять, и сорок лет. И даже на смертном одре человек вспоминает до деталей ту пронзительность жизни, которая была дарована

ему в детстве. Возможно ли в школе на уроке переживать аналогичное? Да, возможно. Но для этого должна быть открыта совсем другая сфера души ребенка, и в нравственной психологии и педагогике (мы по опыту знаем) это происходит.

Становление самого педагога, внутреннее высвобождение в себе резервов нравственной широты и красоты позволяют и ребенка повести за собой в эту сферу сокровенной глубины, той тайны жизни, в которой реально возможна встреча.

Дополнение священника

Попробуем найти ответ на два вопроса.

Какие отношения с психологией могут быть у церковного человека?

В какой мере христианин может прибегать пусть к нравственной, но все же психологии?

Думаю, что ответ здесь очень простой. Психология в переводе есть наука о душе. Пока она вглядывается в строение души и в реальные движения или процессы, которые в ней происходят, и на основании изученного выстраивает те или иные действия с душой, она мало чем отличается от химии или физики, которые тоже имеют дело с реальными явлениями химического и физического мира. В психологии открывается нам мир психических, или душевных, явлений. И здесь современная психология немало потрудились. Так очень глубокие исследования проделаны по изучению таких психических явлений, как внимание, память, эмоции, восприятие, ощущение. Непревзойденные исследования проведены в области мышления, сознания, творчества, обучения, труда, общения. Если эти явления действительно существуют и психология открывает нам реальные события нашей душевной жизни, то мы можем пользоваться ими так же, как пользуемся электрическими приборами, легковыми машинами, искусственным шелком.

Нет зла и тем более греха в автомобиле. Зло появляется в нас, когда мы начинаем пользоваться им из гордости или тщеславия, или иной корысти. Равно нет греха в том, что мы будем развивать в себе и детях память, внимание, усидчивость, мышление, пользуясь методиками, основанными на фундаментальных психологических исследованиях. Грех начинает быть там, где развитие всего перечисленного будет совершаться по страсти.

Почему же церковный человек так боится психологии и страшится «запачкаться» ею так же, как ересью? Потому что есть области в современной психологии, такие как сознание и подсознание, в которых она изучает психические явления, игнорируя учения о грехе, о добродетелях, о богодарованных силах души либо отчасти признавая сказанное (например, западная психология) и признавая реальность Бога. При этом ученые-психологи, которые занимаются изучением душевных явлений, сами не имеют аскетического опыта, оставаясь в помраченном сознании вне благодатного освящения.

Отсюда в одних случаях игру страстей описывают как норму, в других как неизбежную реальность, в которой нужно научиться искусству общения, самопрограммирования и прочее. Для такого психолога нет отношений с благодатью, с церковными Таинствами, со Христом, пострадавшим ради спасения человека. Для классического психолога нет спасающей человека Церкви. В результате безблагодатная психология ни к какому спасению привести человека не может.

Как теперь ответить на второй вопрос: в какой мере христианин может прибегать к нравственной психологии? В той мере, в какой она помогает ему восстать над явными, но мало сознаваемыми действиями греховного или падшего человека в нем, которыми душа его непреодолимо схвачена и он порой годами внешне церковной жизни не может из них вырваться.

В своем внутреннем мире воспитанный в безбожном сознании современный человек настолько отделился от Бога, что многие греховные явления в самом себе он просто не распознает, в силу этого отождествляется с ними и схваченный в их образ действий, чувств, поступков устремляется в церковную жизнь лишь частью, часто малой частью своей души, полагая при этом, что он искренне присутствует в ней всей душой.

Так один, обладая большими интеллектуальными дарованиями, изучил все богословие и теперь может читать лекции и учить других, нисколько не переменившись в нраве. Мы узнаем это по той тонкой иронии, сарказму и насмешке, которые едва приметным, а то и явным образом пронизывают его слово, надмевают над жертвами его обличения и ни капли сострадания, милосердия не выказывают в нем. Напротив, в его речи слышен холодный, тонкий и очень умно исполненный убийственный расчет.

Мы можем встретить женщину умную, пишущую, деятельную в Церкви, наделенную немалым даром слова, но в ее тоне будет выдавать себя женский нрав, способный уязвляться, злопамятствовать, не прощать и мстить или выпячивать себя, тонко тщеславиться, гордиться.

Очень много нераспознанного в нраве происходит в супружеских, родительских отношениях, во взаимоотношениях прихожан и в любых межличностных пересечениях. Не всякий человек имеет желание освободиться от вредных свойств своего характера, глубину которых он и не подозревает. Но в том, кто начинает мучиться от самого себя и от того, что становится причиной соблазна и напряжения для окружающих его людей, – в том начинает быть живая потребность совлечь с себя худое. Веры ему недостает, чтобы в едином порыве вырваться из тисков своего сознания навстречу Богу и остаться с Ним, не возвращаясь к старому. Он будет идти в этом обращении к Богу медленно, шаг за шагом открывая себя и отрываясь от своего худого.

Путь этот как «обыкновенный порядок стяжания дара возбудительной благодати» в отличие от «чрезвычайного (т.е. сильного и моментального) действия благодати Божией» подробно описывает святитель Феофан Затворник в своей книге «Путь ко спасению».

Увы, во все это время его постепенной перемены будут страдать от него ближние, для которых он по евангельскому завету в притче о милосердном самарянине ближним для них не станет; немало будет страдать и помрачаться его собственная душа, о чем он, охваченный самооправданием или уверенностью в себе, порою даже не будет подозревать, и потому замечания или открытые обличения со стороны людей о его худом нраве будет отвергать, а то и возбраняться в ответ со всею крутизною задетого самолюбия, чувства несправедливости, обиды, брезгливости и прочего.

Во всех таких и подобных случаях знание о действиях в нас падшего человека может помочь как в сознании себя и возможности отделить в себе худое от доброго, так иногда по действию благодати Божией пережить покаяние и по разрешении от грехов и причастии Тела и Крови Христовых совсем исцелиться от худого. Нечто подобное испытала инокиня одного из монастырей, которая по прочтении данных книг 1-го издания пережила глубокое покаяние, две недели по ночам плакала Гос-

поду, затем приехала в Волгоград, пожила неделю, здесь исповедалась, причастилась и утешенная вернулась обратно.

Нравственная психология и педагогика предназначены как для людей нецерковных, или только начинающим свой путь в Церкви, так и для церковных. Немалую пользу извлечет из нее любой человек, негорделивый и незаносчивый в своей церковности, для которого труд над нравом уже начал быть. Ему в таком случае много могут помочь, с одной стороны, знания о греховных сетях в человеке (механизмы страстных отношений, их источник и причины), а с другой – возможности нравственного порядка жизни, его условий и тех внутренних оснований, из которых он может обраться.

Нравственная психология и педагогика одних подводит к церковному порогу и дальше передает уже в ведение Церкви, других, уже церковных людей, возвращает к себе в той части их души, в которой остаются нераспознанные и непреодоленные навыки, привычки греховного порядка жизни либо они преодолеваются, но человек не может взамен им обрести добрые навыки и привычки, обычаи и традиции, потому что за время безбожия они ушли из реальной жизни или забылись в нашей памяти. Теперь их нужно восстановить, и нужен образ правильного поведения, образ церковного уклада, охватывающего не только жизнь в храме, но особенно вне храма. Жизнь эта опирается на богослужение, Таинства Церкви, от них берет начало и охватывает в укладе всю храмовую и внехрамовую жизнь.

Что есть уклад? Это церковный характер исполнения всех отправлений жизни. Основание уклада – вера и пронизываемые ею все сердечные расположения и действия человека, как внутренние, по силам души, так и внешние. Внешний порядок жизни, исполненный правильно, т. е.

церковными, сердечными расположениями, складывается в обычаи и традиции. И помимо этого в уклад входит еще распорядок жизни – годовой, недельный, или седмичный, и дневной. Уклад, выписанный на бумаге, называется уставом.

В задачу нравственной психологии и педагогики входит восстановление потребности человека в укладе. С этой позиции она по исходному содержанию своему сугубо церковна. Но, имея задачи предостережительного и огласительного характера, имеет своим предметом естественные свойства и проявления души, в которых должно восстановиться всякому человеку, приходящему к общению с Богом в Православной Церкви. В том числе и новоначальному, т.е. до сегодня пребывающему в Церкви без систематического оглашения. Многие из таковых сегодня не имеют цельных представлений и опыта церковного человека. Много обрывочного и случайного и в знаниях, и в опыте. Восстановить этот пробел хотя бы отчасти и есть задача настоящей книги.

Часть I

ОТ ЗАЧАТИЯ ДО РОЖДЕНИЯ КЕМ ЯВЛЯЕТСЯ РЕБЕНОК ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ?

Отрадно отметить, что все больше и больше современных семей устремляется к устройению своей жизни на началах православной церковной традиции.

Однако с прискорбием наблюдается отсутствие подлинно благодатных плодов этого благого стремления сегодняшних православных родителей. Почему мы не можем до конца осознать, что же происходит в наших отношениях с детьми, почему мы не слышим воли Божией, не имеем в чувствах простоты и ясности, которыми и достигается поставленная нами цель?

Устройство нового порядка жизни

Чтобы дело церковного воспитания детей в семье устроилось, нужно обрести в себе правду и мир. Правду – в осознании своих отношений с детьми, мир – в благодатном настроении смиренного сердца.

Осознание себя незримым образом связано с сердечным настроением человека. Оно происходит по велению сердца и само по себе умножает это настроение. Освящаемые благодатью Божией два этих делания – осознание себя и настроение сердца – приходят в неслиянное и взаимопроникновенное соединение. Важнейшим условием для достижения этого становится отложение гордости и обретение смирения. В исполнении того и другого известны два пути, один из которых – путь душевный, совершаемый силами человеческими, другой – церковный, когда действием благодати Божией в человеке открывается и осознание себя, и настроение сердца. Однако в первом и во втором случаях плоды будут совершенно разными. Нужно сказать, что душевный человек не может узнать плодов церковного пути. Его самосознание и чувство сердечного настроения имеют мало общего с благодатными дарованиями. Последние же даются по мере церковного изменения всего порядка жизни внешнего и особенно внутреннего порядка жизни человека. Откуда же может явиться новый порядок жизни?

Минимум из четырех действий: из чтения церковных святоотеческих книг, из встреч с церковными людьми, из обращения к освящающим средствам Церкви, особенно Таинствам, и, наконец, из собственных трудов каждого из нас по обретению христианского нрава. Исполняющий все четыре действия и будет находиться на пути воцерковления, т.е. благодатного преобразования всей жизни. В четвертом действии – в трудах над самим собой – обретается важный для каждого родителя момент – осознание себя в отношениях с детьми. Одно осознание открывается после чтения педагогической статьи и размышления над ней, но совершенно иное – когда размышление наше освятится благодатью Божией посредством освящающих действий Церкви.

Возможно ли пережить опыт осознания, не читая педагогических книг? Возможно. Но для многих из нас путь такого обретения правды и мира в отношениях с детьми будет очень долгим и кружным. Слишком далеки мы сейчас по маловерию своему от сколько-нибудь значительной меры участия в нас благодати. С оскудением духа человек начинает нуждаться

в слове, посредством чего ему открывается знание о себе самом и о возможностях внутреннего делания, через которое он приготавливает себя к усвоению призывающей и содействующей благодати Божией.

Уяснив значение осознания себя родителем, со смирением выясним, кем же является для каждого родителя собственный ребенок? Рассмотрим худшие случаи.

Ребенок нежеланный

Явился на свет по неосторожности или невоздержанности. Это происходит в семьях, где один или оба родителя сторонятся детей. Одни – из страха, что ребенок осложнит жизнь. С рождением первого ребенка родители во многом себе отказывали, что-то откладывали до тех пор, пока он подрастет. Появление еще одного младенца не только укрепит уже сложившиеся самоограничения, но и повлечет за собой новые, дополнительные расходы. Одно дело управиться с одним, совсем другое – с двумя, тремя детьми. Где взять силы? Иной думает: «Попросить сил можно у Бога. Рассудком я это понимаю, веры не хватает. А как без веры у Бога что-либо просить?». В душе рождается страх за себя, из которого потом, несознательно для человека, враг плетет тонкую паутину трудных отношений с ребенком – отчаянных, малодушных, бессильных и ожесточающих настроений в самих родителях.

Другие родители не хотят иметь ребенка, боясь, что дитя не получит в достатке еды, одежды, обуви, не сможет выучиться как следует, по скудости материнских и отцовских сил получит мало внимания и любви. Здесь, как и в первом случае, маловерие не располагает сердце в смирении перед Богом. Такой страх рождает отвержение, нежелание ребенка. По рождении дитяти родителями руководит бессознательное чувство обреченности его на нужду, лишения или несостоятельность. Отсюда – жалость к ребенку, вина перед ним или чувство обремененности ребенком, тяжести от необходимости его воспитывать. Враг в таких случаях сеет в отношения между родителем и ребенком много лжи, из которой затем оба долго не могут выпутаться.

Третьи не хотят ребенка, потому что много чего любят в жизни. Ребенок своим появлением свяжет и ограничит их. Отказываться от многого ради ребенка не хочется. К тому же, такие родители не очень любят или совсем не любят детей.

Ребенок желанный

Зачали, родили, теперь кормим, одеваем, любим и участвуем в нем. Но не всегда родители осознают при этом, кем является для них ребенок. Они могут желать его воцерковления, страдать из-за его отказов пойти на службу, гневаться, досадовать, что ребенок избегает церковных Таинств или домашних молитв, однако восприятие собственного дитяти в действительности лежит у таких родителей далеко за церковной оградой. О каком восприятии мы говорим?

Ребенок – плоть от плоти моей и потому мое продолжение

Это первое восприятие. В данном случае собственные жизненные ценности родитель непременно хочет вложить в свое дитя. Дитя – продолжатель его дела, обычаев, традиций. В таком восприятии при всей праведности внешней стороны заключена внутренняя неправда, так как внутренне родитель живет не по благодати Божией и не к ней призывает он своего ребенка. Он призывает его к внешним церковным действиям, не более. При этом Богообщение и участие благодати в себе и в ребенке он, не ведая того, подменяет собою, своими чувствованиями, своим разумением. «Люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мк. 7,6). Поэтому родитель искренне печалится, недовольтвует, гневается, когда

ребенок с ним не согласен, невосприимчив, настаивает на своем, упрямится. Возможно, что совсем недавно такой родитель был неверующим, а то и убежденным атеистом. Теперь он переменялся в своих взглядах, но не изменился в своем отношении к ребенку. Он вполне искренне требует от сына или дочери следования за своими крутыми поворотами в жизни. Он ищет и хочет единоклассника с ребенком, чувствуя в этом важную опору для собственной жизни, остро переживая всякий разлад, и, как

ему кажется, потерю дитяти, которое не хочет воцерковлять-ся. Тем не менее родитель требует, настаивает на вхождении ребенка в церковный порядок жизни.

Родитель не подозревает, что вся энергия попечения о ребенке исходит из скрытой в душе неправды отношения. Он принимает свое чадо не как создание Божие, а только как свое собственное творение. Вместо поиска единоклассника, совершающегося в Святом Духе, он ищет единоклассника в обращении их обоих к Богу, обращении чувственном, замкнутом друг на друга.

Вместо возрастания ребенка в угождении и служении Богу и ближним, родитель желает угождения себе, своим нормам жизни, собственному усвоению жизненного порядка.

Не имея уважения к свободе ребенка, он подменяет любовь к нему любовью к собственным жизненным ценностям.

Отсюда все сильнее растет нечувствие жизни своего чада. Вместо угождения Богу в воспитании ребенка взрослый пребывает в сбывающихся или несбывающихся переживаниях своих самоугождений, саморазумений и самохотений как в воспитании, так и в развитии ребенка. Вместо пребывания в Духе Божиим родитель пребывает в душевных чувствованиях. Поэтому его настроение постоянно меняется: то он унывает, то завидует, глядя на других детей, то обижается, то раздражается, то гневается, то на него нападает дух жалости, праздности или осуждения, то дух иронии, унижения и т. д.

Ребенок – мое оправдание перед людьми

Во втором случае ребенок рождается как общественная необходимость, потому что так принято в обществе, так нормально. Когда же он узнает, что рожать детей – это заповедь Божия, то радуется тому, что общественная норма подтверждается, подкрепляется заповедью. Такой родитель, став церковным, как бы опирается на заповедь Бога. Но ложь этой опоры обнаруживается сразу, как только речь заходит о втором, третьем ребенке. Родитель категорически не хочет еще детей, потому что в обществе сегодня более второго, максимум третьего, иметь не принято. Это наследие доцерковной жизни родителей, которое еще долго будет сказываться в их церковных отношениях с детьми. Вне Церкви такое восприятие ребенка является всеобщим. При этом родители могут быть заняты самыми разными делами, а ребенка имеют как дань общепринятой норме. Одет как все, питается не хуже других, занятиями, принятыми в обществе, вполне загружен: школа, кружок, студия, репетитор. Но в силу того, что родитель относится к ребенку как к еще одной данности его положения в обществе, личные отношения с собственным чадом могут не сложиться. А если потребность в душевном общении удовлетворяется вне семьи, то необходимость подобных отношений почти исчезает.

Но если положение родителя в обществе из-за поступков сына или дочери начнет колебаться, дитя сразу же становится объектом пристального внимания недовольной родительской души. Наведя «порядок» (способы у каждого свои), родитель быстро успокаивается и возвращается в привычный характер отношений. Если к восприятию ребенка как общественной необходимости прибавляется родительское чувство, то наиболее сознательные папы и мамы

вполне цивилизованно наставляют и вразумляют свое дитя, приводя его к общественным нормам, ибо посредством ребенка поддерживается имидж самих родителей.

Несдержанные и вспыльчивые родители могут приводить дитя в значимую для них норму очень разнузданно и вольно. При этом само чадо может ничего не значить для матери и отца. Дитя – часть их имиджа, и потому должно все делать хорошо! Что оно при этом переживает, их вовсе не интересует. Ребенок должен хорошо учиться, должен поступить в институт, устроиться на престижную работу; не иметь нареканий от учителей, начальства и властей; должен уметь зарабатывать деньги; иметь семью, машину, дачу; должен уметь обходиться с людьми и т. д. При исполнении всех этих условий родитель, кроме ориентации ребенка на вышеперечисленные земные ценности, никаких личных отношений с ним, как правило, не имеет. Дитя для него мало чем отличается от модной одежды, машины, дачи, породистой домашней собаки и прочих социально значимых атрибутов.

При таком положении отношений в семье неудивительно слышать откровения подростков об их родителях: «А я папе нужен как прищипка к его машине», или «Я маме нужна, чтобы показывать меня в обществе подруг».

Иногда личное отношение к ребенку проявляется особо, в случае если родитель видит чадо наследником своего имущества или трудов. Личное отношение связано с желанием иметь продолжение своих ценностей или профессиональных дел в детях. Тогда можно наблюдать разницу между «имиджем» и «продолжением» себя в детях. Идеалы и ценности, которые родитель несет в себе и вкладывает их в свое дитя, могут сильно расходиться с общественным мнением. Если мода меняется, то меняется и имидж. При этом способность ребенка лавировать в таких переменчивых нормах домашними ценится особо.

При продолжении себя в детях, напротив, ценится устойчивость в воспринятых от родителя нормах. Родительская норма ставится выше общепринятой. И в основе этого – превосходство над людьми. Семейное воспитание не идет дальше установления норм, по которым поддерживаются отношения между обществом и семьей. Ревность о воспитании и обеспечении внешнего может быть большой, о воспитании внутреннего – очень малой. Так, родителю может быть совсем неважно, правдив ребенок или нет, важно, чтобы он добился успеха в обществе любыми путями. Совсем неважно, совестлив он или бессовестен, важно, чтобы всегда выходил победителем в жизненных схватках.

Увы, как не сразу загрязненная вода становится прозрачной, так и приход родителя в Церковь не сразу освобождает его от перечисленных несправедливых восприятий своего ребенка. И если он сам еще как-то может расстаться с заблуждениями и пересмотреть необходимость следования тем или иным мнениям и нормам общества (и возраст, и прожитая жизнь, и неофитское возбуждение духа застилают прежние ценности жизни), то в отношении к своему ребенку он полон беспокойства. И, будучи уже по внешнему поведению человеком церковным, он готовит свое чадо к служению обществу, или собственному благополучию ребенка в земной жизни, стараясь не посрамиться перед людьми, в том числе и перед верующими. Бывает, что родители готовят сына к духовному семинаристскому образованию из-за тщеславия в среде церковных людей. Вместо нравственного и духовного воспитания ребенка с ревностью следят за развитием его способностей (талантов), посредством которых укрепляются тщеславие и гордость. Вместо развития милосердия, приучают к корысти, чувству выгоды; вместо воспитания трудолюбия, движимого чувством нужды ближних («трудись, делая своими руками полезное,

чтобы было из чего уделять нуждающемуся», Еф. 4, 28), дитя приучается к занятиям по интересам.

Сам же родитель вместо отношений с Богом ищет оправдания у людей, вместо страха Божия ходит в страхе перед человеческим мнением и отношением. Иногда (как и светский человек) подкупает церковное начальство, наушничает, доносит на других детей, чтобы выродить своего, сеет пересуды, завидуя другим родителям, состязается с ними, радуется собственному превосходству. Многие верующие родители следят за внешностью детей, чтобы те были не хуже других, радуются комплиментам в адрес своего ребенка. Домашние любят устраивать дни рождения своего ребенка, а дни Ангела превращаются не в прославление святого, а в прославление их возлюбленного чада. Детей начинают захваливать, просят петь, читать стихи и всяким образом красоваться перед гостями. Некоторые церковные мамы паче смерти боятся, чтобы дитя не ушло в монастырь или же, напротив, желают пострига своему чаду, чтобы затем хвалиться им и тщеславиться перед людьми. Большинство родителей, не имеющих духовного разума, боятся искушений и скорбей для ребенка.

Ребенок – моя опора в старости

Рассмотрим третье восприятие. Некоторые родители воспитывают в детях чуткость к нужде, способность попечения и заботы, верность, преданность лично им. «Ты мой кормилец, моя опора в старости», – не единожды скажет мать своему сыну. Не один раз она выразит удовлетворение, когда сын ей поможет. «Я довольна, что ты сделал так, – скажет она ему, – потому что так же ты будешь помогать мне и в старости моей». Это удовлетворение родителя сегодняшним днем простирается на старость и становится той чувственной установкой в душе ребенка, которая воспринимается сыном или дочерью как долг перед матерью. Но еще в большей степени эта установка ожидания запечатлевается в душе матери. При этом она исходит не от материнской беззаветной любви. Очень часто из этого ожидания, как плесневые грибы в сырую погоду, могут выползть различные родительские переживания – неуверенность в сыне или дочери, подозрение в предательстве, черствости. При малейшем намеке на недостаточную чуткость, невнимание возникают обиды и ожесточения, ведется постоянный контроль уровня заботы, расположения к матери, отцу.

Родители могут проявлять капризы, недовольства, демонстрировать болезни и немощи, культивируемые с одной целью – удержать внимание и заботу ребенка на себе. Или наоборот – постоянно задаривать дитя дорогими подарками, деньгами, обременять излишним вниманием, происходящим из беспокойства о своей участи в старости. Если же родителю случится остаться в старости одному, а еще хуже – в доме престарелых при живых детях, его душа наполняется растерянностью, недоумением, потом обидой, унынием и горем, а затем отчаянием или ожесточением, переходящим в равнодушие и душевную пустоту. Непросто и нескоро будут затягиваться раны и не всегда приведут они к возрастанию веры в Бога, чтобы через нее прийти к смирению и тишине.

В то же время у сына или дочери чувство долга, душевно связывающее их с родителями, носит вполне естественный характер. Но поскольку это чувство не освящено Богом, оно остается обычной человеческой привязанностью.

Лишь по мере того, как сознание примет попечение о родителях как свою обязанность перед Богом, чувство долга начнет меняться в своем качестве. Сын (или дочь) начнет ухаживать за слабеющими родителями не потому, что он многим обязан им, а по причине обретаемой в Боге свободы заботы и попечения, которые будут складываться не по мере родительского уча-

ствия в нем, а по свободно раскрывающейся, Богом освящаемой любви к родителям. Импульс именно такой возможности духовного развития и должны задать родители своим детям. Тогда родительское почитание Бога может стать основой сыновнего почитания родителей.

Чтящий Бога имеет Его благословение не только во внешних событиях, но прежде всего в настроениях своего сердца. «И в сердце всякого мудрого вложу мудрость, чтобы они сделали все, что Я повелел тебе» (Исх. 31, 6). Тогда отношения с детьми будут складываться из сердечных настроений. По этим отношениям будет совершаться и воспитание детей. Не имеющий благодатных настроений сердца, т.е. внутреннего благочестия, может ли дать доброе воспитание детям?

Если родителям спросить самих себя: «Чем дорог мне ребенок?», то можно получить самые разные ответы. Из того, чем ребенок дорог родителю, и складывается ядро отношений с ним. Матери, к примеру, ребенок дорого достался: очень болел, для отца этот же ребенок дорог, потому что любит отца. Пройдет время, и в отрочестве и юношестве отношения их могут полностью расстроиться. Не удержится любовь к отцу на все годы жизни, остынет дитя, а возможно, и само будет нуждаться в любви старших, их чуткости и заботе. Тут и обнаружится, что отец-то по-настоящему никогда не любил сына. Ему было приятно, когда сын проявлял к нему свою любовь, – тем и был дорог ему сын.

Разобраться, чем же дорог для родителя ребенок, и поправить свое отношение к нему легче, пока он пребывает в младенческом возрасте. Чем позже это произойдет, тем хуже. Под давлением трагических событий может произойти полное расстройство отношений с ним. Как показывает жизнь, гораздо легче наладить их, пока ребенок еще маленький и покрывает свою любовью к родителям многие неправды их отношений.

Ребенок дорого достался

По материнской любви мать вложила всю себя в дитя, чтобы он выжил. Верующая мать радеет, чтобы ребенок жил Богу. Она приняла благословение от Бога на рождение ребенка и теперь будет растить и развивать его для Бога.

Неверующая мать или мать, которая по рождении ребенка пришла в иступленное чувство привязанности к нему, ничего о Боге не ведает. Все желания ее сливаются только в одно – чтобы ребенок жил! В этих желаниях нет Бога, в них есть только собственно сам ребенок. В ее порывах нет веры, кроме веры в свою собственную преданность чаду. Даже если в критический минуты для ребенка мать обратится в молитве к Богу, это будет вопль, пребывающий в одном ряду с обращениями к врачу. Лишь дыхание веры придает этому воплю новое свойство. Но как часто после отклика Божия и выздоровления ребенка мать возвращается к прежней привязанности к нему. Дыхание веры остывает под грузом чувственности. Мать видит жизнь ребенка только в рамках его земного существования. Чем сильнее эта привязанность, тем безотчетнее мать предается ребенку. Движимая телесными недугами дитяти, она забывает на время о будущем, для которого его нужно воспитывать.

Если ребенок в детстве много болеет, в материнской душе развивается сильный навык реагировать на его малейшее расстройство. Скоро она перестает различать, где у ребенка каприз, а где он действительно нуждается в ее участии. Развивающаяся в ней чувственная чуткость к ребенку приводит к разворачиванию собственных страстей и греховных привычек.

Мать теряет всякую здравость в своих отношениях с ребенком. Она становится вспыльчивой, раздражительной, либо до крайности строгой, требовательной, либо, напротив, обидчивой, унывающей; или, того хуже, – заискивающей и угождающей, ведь ребенок для нее – центр жизни. . . Возникает чувство тупика. Душа, увлеченная этим всемогущим и чувственным угождением ребенку, теряет жизненные ориентиры и постепенно все глубже и глубже отдается этим неправильным отношениям, пагубным для обоих. В центре такого развития отношений лежит зависимость матери от телесно-чувственного довольства ребенка.

По мере накапливающейся усталости она невольно начинает обращаться к себе, к своему удовольствию тоже телесно-чувственного характера. Не имея веры и растеряв остатки нравственных сил души, она или утрачивает всякую надежду на возможность перемены, или с силою своего властного и своевольного характера (если он у нее такой) все берет в свои руки и ведет так, как сама считает правильным. Печальные плоды этого «как сама знаю» проявятся в их отношениях через 15—30 лет. Чем еще может быть дорог ребенок?

Ребенок – мое утешение

Так случается, если родитель сам в детстве недополучил родительской любви и внимания. Потребность в душевном тепле и участии сопровождает его повсюду, и в своих отношениях с людьми он вольно или невольно ищет их душевного внимания к себе. Дети же по своей нравственной природе способны покрывать этот недостаток. Беззаветной преданностью родителям, простотою и детской чуткостью, лаской и участием они сильно помогают им, а своею беззащитностью пробуждают невольный отклик и живую заботу о себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.